

Выходить ежедневно утром.

Цена отдельного номера: в Латвии: 10 цент. (5 лат. р.)
в Зотонис: 7 коп. марок
в Литве: 30 лит. центов

СЕГООДНЯ

ОБЪЯВЛЕНИЯ:

За отрокунь пестита или занимаемое ею место — в Латвии:
в текоте 1.50 (50 р. лат.)
преда. трудо — 12 5 . . . + 5%
спросъ — 6 3 . . . гор.
фирмы и управл. учр. — 2 6 . . . налога
позади текота — 26 3 . . .

Редакция, главная контора и экспедиция:
РИГА, Большая Кузнечная (Lielā Kalēju ielā) № 43.

Телефонъ редакции 195, тл. конторы 59-90.

Отделение конторы: РИГА, Известковая 18, тел. 5-24.

Пріемъ по дѣламъ редакціи отъ 6 до 7 час. вечера.
Главная контора открыта отъ 9 час. утра до 7 час. вечера.
Рукописи не возвращаются.

Подписная плата за подписку:

в Латвии 1.250 (125 руб.)
За границей 370 (185 ")
" 73 амер. цента

Почтовый листокъ № 05.

Текущіе счета:

в почтовомъ отделеніи в Ригѣ № 113.
в банкѣ Латвіи № 534.
в Рижскомъ деп. пивной торговли банкѣ № 22.

Памяти Чехова.

(Къ двадцатилѣтню кончину)

Двадцать лѣтъ сегодня исполняется тому дню, когда по-нѣмски сказалъ русскій писатель „ich sterbe“ и умеръ — въ тихомъ Баденвейлерѣ; и двадцать лѣтъ исполнится на дняхъ той могилѣ въ тихомъ тоже Московскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ, которая приютила его безвременный прахъ. Я помню, какое впечатлѣніе произвела въ Москвѣ — да и въ ней ли одной? — вѣсть о смерти Чехова. Точно это была семейная утрата, и точно оторвалось отъ сердца вѣчно родное и милое. Были у русскихъ, конечно, писатели болѣе мощные и яркіе, чѣмъ онъ; но никто не умѣлъ такъ родить съ собою и такъ музыкально зацѣплять самыя вѣжныя струны души. Но для бури была онъ созданъ и не въ бурю жилъ; есть нѣчто знаменательное въ томъ, что онъ умеръ до 1905 года, до этого поворотнаго пункта русской жизни, такъ что не при немъ разразились наши кровавыя грезы и не его мигмоту таланту, не его матовому дарованію, чуждому трагическихъ тоновъ, пришлось стать очевидцемъ неслыханныхъ трагедій. Авторъ «Скучной исторіи», онъ не присутствовалъ при исторіи иной, не жилъ ни наканунѣ ни послѣ дней, ни въ самые эти дни, которые можно назвать какъ угодно — только не скучными.

Блѣдное лицо Чехова особенно выступаетъ въ рамкѣ провинціальной тишины, «сонной одури», на туспломъ фонѣ обывательскаго быта, среди сѣрости того чеховскаго города, который въ нашей литературѣ явился продолженіемъ города гоголевскаго и которому такъ долго суждено было стоять совсѣмъ въ сторонѣ отъ шумныхъ потоковъ и тревожной Европы, вдалекѣ отъ ея большихъ дорогъ. Теперь же не въ стилѣ Чехова движется вся мировая дѣйствительность, и послѣ того какъ онъ умеръ физически, онъ и духовно долженъ былъ посторониться передъ бѣгомъ исторіи, передъ ея стремительно несущейся колесницей. Да, кони исторіи поехали...

Будь потому, въ извѣстномъ смыслѣ, война и

революція сдѣлали Чехова анахронизмомъ. Не во времени приходитъ онъ, — можетъ быть, это тѣмъ хуже для времени, какъ, согласно Гегелю, тѣмъ хуже для фактовъ, если они проливаютъ разумъ? Нынче, когда срублены всѣ винные сады и отняты они не только у помѣщиковъ Гасвыхъ, но и у купцовъ Лопухиныхъ, когда разорены не только дворянскія, но и всякія нѣвыя гнѣзда, — нынче старомоднымъ оказывается Чеховъ, — опять-таки не хуже ли это для современной моды?

На это, кажется, надо отвѣтить такъ: Чеховъ отороченъ, но не отставленъ. Въ данную минуту онъ — нестатки; но вѣдь за данной минутой будутъ и другія. Тогда онъ понадобится опять. Но интимная живопись души, которой занимался этотъ угловатый художникъ, этотъ мастеръ психологическаго пейзажа, этотъ Левитанъ русской литературы, содержитъ въ себѣ такую постоянную привлекательность, такую не блекнущую свѣжесть, которую быство событій можетъ, если позволительно такъ выразиться, на время завысить, какъ завѣшиваютъ зеркала въ домѣ, гдѣ есть покойникъ, одѣть покрываломъ, задержать своею тѣнью, но которая сама по себѣ никогда не потеряетъ своей красоты. Вѣдь какъ ни связано творчество Чехова съ его эпохой, оно обслуживало не только ее, но и тѣ вѣчные запросы человеческого духа, которые отъ эпохи не зависятъ. И тѣ печальные мотивы, которые воздушной волною несется со словесной сцены Чехова, та элегія его, которую онъ такъ проинимательно игралъ, — развѣ когда-нибудь могутъ они утратить свое благородство и свою пѣвучесть? Въ минуты, когда душа остается сама съ собою, когда ее не отягачаютъ вѣтхій гулъ и шумъ обезумѣвшей исторіи, какъ можно не оказать гостепріимства дѣву «Чайки»? И до сихъ поръ еще на однотонномъ строгомъ занавѣсѣ Московскаго Художественнаго театра эта символическая чайка распростираетъ свои крылья и безмолвно говоритъ в чеховскихъ го-

роиняхъ, оптикахъ, которыхъ убилъ, о женщинахъ, которыхъ разлюбилъ... Нельзя противиться грусти, нельзя не пустить ее въ свое сердце, когда она въ сердце стучится; — а страницы Чехова именно грустны повиты, и всѣ оттѣнки меланхолическихъ, лунныхъ свѣтомъ своимъ заливающей міръ, явлены въ его произведеніяхъ.

Онъ началъ шуткой и анекдотомъ; онъ такъ смѣялся и смѣшился, а потомъ все глубже и глубже становилась его печаль, хотя элементъ юмора никогда всецѣло не покидалъ его и впоследствии. И если Чеховъ-человѣкъ никого очень близко къ себѣ не подпускалъ и какую-то занавѣску опускалъ передъ посторонними на свою застѣнчивую душу, душу-миозу, то какъ писатель онъ подходилъ къ своимъ читателямъ вплотную, и онъ любилъ, и его любили, и самыя дружелюбныя связи соединяли съ нимъ всякаго и всякую, кто поддавался подъ сладкую власть его творческихъ настроеній. Вотъ это слово-настроеніе — такъ часто приходится на мысль, когда говоришь о Чеховѣ.

Тонъ душевности идетъ отъ его разсказовъ и нынѣ, токъ, слетѣнный изъ тончайшихъ струй, такъ что здѣсь не опредѣленные чувства, не законченные мысли кристаллизовались передъ вами въ прочномъ соединеніи, а клубятся, какъ облака вокругъ Сплетинской Мадонны, едва различимыя, едва уловимыя излученія души, ея тоза и полутоны, переливы ея тембра. И они оплачиваютъ насъ своею легчайшей паутиной и настраиваютъ нашу восприимчивость на тотъ же ладъ, какой былъ свойственъ чуткой, нервной, вѣрной организаціи самого писателя. Оттого и польза было его почитать.

На столбахъ «Сегодня» объ этихъ чувствахъ русской читающей молодежи къ Чехову однажды вспоминалъ уже В. Каменицкій, и я, съ своей стороны, совершенно къ нему присоединюсь... Дѣйствительно, никогда не забудешь вечера 17 января 1904 г., когда въ Художественномъ Театрѣ прозвучала его лебединая пѣсня, и въ поэтической декорации были показаны последние бѣлые цвѣты «Вишневаго сада». Это такъ подходило къ его автору, потому что былъ онъ полтъ блага, подобно бѣлѣйскому Роденбаху, потому что съ горестію воспроизводитъ онъ то, какъ спадаетъ съ чело-

вѣческой души ея когда-то дѣвственные, когда-то бѣлые покровы, и постепенно осыдасть на ней лютѣйшая пыль пошлости... Сначала въ тотъ вечеръ не было Чехова въ театрѣ, но публика требовала его появленія на сценѣ, за нимъ побѣжали, — и вотъ онъ стоитъ омуцанный и блѣдный, и къ ногамъ его сыплются цвѣты, и дефилируютъ передъ нимъ депутаты съ адресами и рѣчами, и онъ пожмаетъ руки мужчинамъ, цѣлуетъ руки у женщинъ. Но не позволили ему, большому, долго стоять, усадили его въ кресло, и все нарастала и нарастала восторженная олуш. Она была въ его жизни первой — и послѣдней. Да, послѣдней, потому что не успѣлъ еще, кажется, отзвучать «зеленый шумъ, весеній шумъ» этихъ славословій и рукоплесканій, и только полгода текло съ того луннаго вечера, — какъ опять, уже въ двойной юльскій день, было много цвѣтовъ и лавровъ, было много рѣчей и славословій, но все это уже — въ отсутствіе живого Чехова, все это уже — въ похоронномъ cortege, сопровождавшемъ его ранній гробъ, все это уже — въ тѣсномъ живописномъ уютѣ кладбища, подъ тѣнью расцвѣтавшей липы, около раскрытой, равнодушно зябущей могилы...

Но знаю, будетъ ли сегодня, черезъ двадцать лѣтъ, отслужена панихида на этой могилѣ, потому что уже не та Москва теперь, совсѣмъ не та, что прежде, и уже не по-чеховски настроена ея молодежь. Но раньше, раньше въ годовщину смерти Чехова совершались къ мѣсту его послѣдняго упокоенія, къ одному изъ святыхъ мѣстъ русской литературы, благоговѣйныя паломничества. И приходили туда юности и дѣвушки, сестры трехъ сестеръ, приходили дяди Ваня и Астровы, актеры Художественнаго Театра и актрисы, среди нихъ — та актриса, которая стала женою Чехова, — приходили и блѣднѣе, немнѣе похолономъ его могилѣ и возлагали на нее и пыльные, и скромные вѣнки и букеты, вѣлки вышиваныхъ дорожекъ, и вѣнчательно слушали молитву священника и странный хоръ монахинь, и думали о Чеховѣ, и тосковали по немъ, и воскресали предъ собою образомъ его чуждѣе вымысловъ и событийный его чистый и задумчивый образъ...

Ю. АЙХЕНВАЛЬДЪ